

Цю Хэнянь просто обнял Цин Яня, чуть приподнял его, словно взвешивая, и этого оказалось достаточно, чтобы успокоить его.

Цин Янь по натуре мягкий, но с крепким стержнем. Внешне он казался хрупким и изящным, словно фарфоровая кукла, и обычно, если хоть немного почувствует боль, тут же начинал плакать, прячась в объятиях мужа и вымаливая его ласку.

А по ночам, во время близости, он совсем становился «человеком из воды» — слезы текли ручьем, он то умолял, то капризничал. Когда он уже больше не мог терпеть, даже несмотря на просьбы остановиться, плакал навзрыд, лицо становилось мокрым от слез, и он прижимался им к лицу мужа, словно маленький зверек с теплым, прерывистым дыханием, от которого кожу Цю Хэняня слегка щекотало.

Цин Янь не знал, что в такие моменты внутри Цю Хэняня просыпался дикий, неконтролируемый зверь. И только когда он замечал, что Цин Янь действительно больше не может терпеть, то, сжав шипастый браслет, на миг обретал ясность сознания. В этом кратком просветлении, достигнув высшей степени удовлетворения, он собирал всю свою волю, чтобы на мгновение сдержаться, но вскоре снова терялся в своей страсти...

Цин Янь был таким плаксивым, но при этом настолько умелым и деятельным. Он мог управляться и с домашними делами, и с внешними. В доме царил порядок, все было устроено благодаря его стараниям. Несмотря на тонкую кожу и нежное телосложение, он работал очень ловко. А если что-то не умел, не упряился, а искал другие пути решения.

Он умел заботиться и понимал, как важна забота о других. Все семейные дела и отношения с окружающими держались на нем. Он был внимательным, заботливым и добросердечным. Родственники и друзья просто обожали его.

Цю Хэнянь размышлял обо всем этом, когда Цин Янь, обнимая его, капризничал в его объятиях. Успокоенный, Цин Янь повеселел, вернулся на свой низкий табурет и продолжил обедать вместе с Цю Хэнянем пельменями.

Не прошло и нескольких минут, как Сяо Чжуан робко заглянул внутрь, осторожно выглядывая из-за двери. Цин Янь поманил его рукой:

— Заходи!

Лицо и шея Сяо Чжуана покраснели до ушей. Он смущенно опустил голову и неуверенно переступил порог, волоча ноги.

— Что с тобой случилось? — спросил Цин Янь.

Сяо Чжуан долго мялся, а потом наконец выдавил из себя:

— Я не хотел мешать шифу и шиму. Просто в такой полдень жутко жарко, я не выдержал!

Цин Янь рассмеялся. Цю Хэнянь тоже усмехнулся и легонько хлопнул Сяо Чжуана по затылку.

Цин Янь вытащил из кошелька две медных монеты, протянул их Сяо Чжуану и сказал:

— Шиму перед тобой виноват. Купи себе ледяной десерт, остуди жар!

Глаза Сяо Чжуана загорелись. Взглянул на мастера и увидев, что тот не возражает, он поблагодарил, взял монеты и уже хотел выбежать наружу. Но, добежав до двери, вдруг остановился, повернулся обратно и спросил:

— А мне после того, как куплю, возвращаться или нет?

Цю Хэнянь сделал вид, что собирается его пнуть, и только тогда Сяо Чжуан, несмотря на свою пухлую комплекцию, молниеносно развернулся и рванул наружу, словно ветер.

Когда Сяо Чжуан ушел, Цю Хэнянь доел свой обед. Они с Цин Янем, вместе убрали со стола тарелки и чашки.

После еды с работой не спешили. Цин Янь предложил помассировать плечи и спину Цю Хэняню, и тот согласился. Один сел на низкий табурет, другой встал сзади.

Мышцы Цю Хэняня были не из тех, что чрезмерно накачаны, а скорее стройные и идеально подтянутые. Линии тела смотрелись очень гармонично — результат тяжелого физического труда. Мышцы были плотными, упругими, а потому Цин Яню приходилось изрядно напрягаться, чтобы хоть немного их размять. В конце концов он даже задействовал локти.

Пока шел массаж, они болтали. Цин Янь рассказал Цю Хэняню, что Сяо Чжуан говорил о родственниках Лю Фа.

Цю Хэнянь, выслушав, сказал:

— Вчера я их заметил, подумал, что это просто местные, а оказалось, это они.

Цин Янь кивнул и добавил:

— Когда дома набирается достаточно денег, я отношу их в серебряный банк. Ты недавно закупил материалы, в доме денег почти не осталось, так что можно не бояться повторения той истории.

Цю Хэнянь задумался и ответил:

— На ближайшее время чаще бывай у У Цюнянь и тетушки Ли. Когда дома один, обязательно закрывай дверь на замок. К Лю Фа пока лучше не ходи. Я, если будет возможность, буду периодически заглядывать домой, проверять.

Цин Янь согласился.

Спустя некоторое время Цю Хэнянь добавил:

— Я подумаю, стоит ли поговорить об этом с Лю Фа.

Цин Янь покачал головой:

— Лучше подождать. Мы не знаем, что они замышляют. Если сейчас скажешь, это только поставит брата Лю в неудобное положение.

Когда Цю Хэнянь с Сяо Чжуанем занялись делами, Цин Янь собрал корзину для еды и отправился домой.

Придя домой, он первым делом разобрал корзину, покормил кур, вымыл руки и проверил тесто, которое оставил подниматься перед выходом. Из-за полуденной жары тесто быстро поднялось, став пышным и воздушным.

Цин Янь снова вымесил тесто, достал коричневый сахар и приготовил партию сахарных треугольников. Когда они были готовы, он оставил себе несколько, а остальные, пока они были горячими, завернул в ткань, уложил в корзину и понес к тетушке Ли.

Дверь ему открыла Цинь Лань. Она ночевала здесь. Цин Янь сразу заметил ее бледное лицо и красные прожилки в глазах, выдающие сильное переутомление. Видно было, что ночью она почти не спала.

— Только что приготовил на пару сахарные треугольнички. Подумал, что Нань-Нань их любит, и принес ей немного, — сказал Цин Янь.

Цинь Лань, поблагодарив, пригласила его войти в дом.

Нань-Нань в соседней комнате сидела на корточках на полу, облокотившись на низкую скамейку, рисовала и играла. Из котла на плите валил пар, распространяя густой запах лекарственных трав, а дверь в комнату тети Ли была плотно закрыта.

Цинь Лань, взяв дочь, вымыла ей руки, разломала для нее сахарный треугольничек и сама время от времени откусывала по кусочку. С улыбкой она заметила:

— Я еще не успела пообедать, а твои треугольнички как нельзя кстати.

Цин Янь бросил взгляд на закрытую дверь комнаты тети Ли и тихо спросил:

— Ты с ней поговорила?

Цинь Лань кивнула, тяжело вздохнув, и сказала:

— Полдня проплакала, стоит вспомнить — опять в слезы. Утром чуть не упала в обморок. Я пригласила врача, после того как она выпила настой, легла спать.

Цин Янь спросил:

— Караван вот-вот вернется, а что тетя думает делать?

Цинь Лань опустила взгляд и покачала головой:

— Она сейчас не в состоянии что-либо решать, только плачет, ничего не говорит. — сделав паузу, она подняла глаза и добавила, — Говорят, грязное белье не стоит выносить из дома, но ты и Хэнянь уже не чужие, поэтому я говорю как есть.

— Я хочу, чтобы отец вернулся. Если он не сможет уйти с должности, то, может, удастся заплатить немного серебра, чтобы перевели поближе. А что касается той наложницы... — Цинь Лань стиснула зубы, — Дать ей больше денег, пусть выходит замуж, а не захочет — с этими деньгами и так проживет. Если уж моя мать не хочет видеть того ребенка, то я его воспитаю. Все равно у нас дома лишний рот не проблема.

Цин Янь долго молчал, глядя на Цинь Лань.

Цинь Лань бросила на него взгляд, опустила голову и, подавив слезы, сказала:

— Ты, наверное, думаешь, что я поступаю неправильно? Что я заставляю свою мать пойти на компромисс? Но он мой отец! Когда он пропал, я была уже достаточно взрослой. Я сильно привязана к нему, ведь в те годы он меня, дочь, невероятно любил. Как отец, он ничем не провинился. Да и в случившемся его нельзя винить, он потерял память, он нас просто не помнит...

Цин Янь покачал головой и вздохнул:

— Я вовсе не это имел в виду.

Цинь Лань горько улыбнулась:

— В нашей деревне беднота, вот и нет у мужчин наложниц. А посмотри на город или хотя бы на наш уезд — у зажиточных в доме и служанки, и наложницы. Да и в публичные дома заглядывают не реже. Даже мой свекор раньше держал наложницу, просто она была нездорова и умерла рано.

— Мужчины такие, моя мать поймет, — закончила Цинь Лань.

Прошло два дня. Цинь Янь приготовил тушеную свинину в карамельном соусе, чтобы отнести ученику и мастеру в кузницу на угощение. По дороге он заметил, что дом, который временно займет приезжая семья Лю, оказался отремонтированным. Лю Юфу с женой Чжан Цзюй и детьми как раз переезжали туда.

Деревня была тихой и спокойной, редкие события быстро становились поводом для любопытства. Узнав о переезде семьи, местные старики, женщины и молодые невестки собрались поглазеть и поболтать.

Лю Юфу молча занимался делами, а Чжан Цзюй стояла у ворот и громко жаловалась соседям:

— Когда они прибились к нам, мой муж все для них делал, душу вывернул, чтобы приютить. Да только мы бедные, не могли обеспечить им комфорта. А эти братья Лю совсем бессовестные! Богатые до невозможности, а жадные!

— Лю Цай с супругом - их всего-то двое, живут в таком огромном доме, а нас, четверых, в такую развалюху отправили. Вот скажите, у людей же должна быть совесть, не так ли? Как там говорят: за каплю доброты платят морем? А они что? Совесть потеряли напрочь!

Соседи слушали и посмеивались, прикрывая рты руками.

Чжан Цзюй продолжала:

— Эх, мои Лю Юн и Лю Сян уже взрослые, им девятнадцать, пора бы уже жениться. Может, кто-нибудь из вас знает подходящие кандидатуры?

Одна из соседок, подначивая, спросила:

— А кого ты хочешь для них найти?

Чжан Цзюй закатила глаза:

— Мой Лю Юн честный и трудолюбивый, а Лю Сян милый и красивый. Нужно как минимум кого-то из семьи получше, чем Лю Фа!

Соседка едва сдерживала смех и ответила уклончиво:

— Хорошо, мы присмотримся и подумаем.

Чжан Цзюй, казалось, хотела что-то добавить, но в этот момент братья Лю Фа и Лю Цай подъехали на воловье упряжке и привезли еще вещей. Увидев их, выражение на ее лице мгновенно изменилось. Она с радушной улыбкой поспешила навстречу, начала заботливо расспрашивать о здоровье и деле, так широко улыбаясь, что лицо все покрылось морщинами. Ее поведение резко контрастировало с недавними жалобами за их спиной.

Цин Янь, заметив это, лишь усмехнулся про себя, свернул с дороги и обошел дом другой тропой.

С наступлением конца августа погода стала заметно прохладнее. Даже в полдень уже не чувствовалось летнего зноя. Цин Янь снял с кровати летний бамбуковый матрас и подушки, которые использовали не более двух месяцев, тщательно вымыл их, высушил на солнце и убрал до следующего года.

Тем временем Цю Хэнянь и Ван Саньяо привезли из уезда большую повозку угля и угольной пыли, которые разделили на три части с семьей тети Ли. Когда тетя Ли попыталась отблагодарить их деньгами за труды, они категорически отказались. Тогда она вырезала две большие части свиного окорока и по одному куску отнесла в дома Цин Яня и У Цунянь.

Цин Янь с облегчением отметил, что тетя Ли полностью выздоровела, хотя ее вид оставался вялым и подавленным. Чтобы поддержать ее, он часто заходил к ней, помогал по хозяйству и разговаривал, но избегал упоминания о скором возвращении Цинь Ляньчуаня. Вместо этого он говорил о делах — о производстве духов и крема. При упоминании этих тем у тети Ли загорался взгляд, и ее настроение заметно улучшалось.

За последние недели Цин Янь с У Цунянь несколько раз выезжали на рынок в город. Продукция тети Ли, а именно крем «Снежинка» и духи, успела завоевать популярность. В округе они стали настоящим хитом среди местных жителей.

Цин Янь использовал возможность для продвижения своего бренда «Лавка красоты Цинь-Цинь». Он ввел концепцию «универсального магазина», где можно найти все самое необходимое и модное. Девушки и молодые геры, проходя мимо его ларька, не могли устоять и обязательно останавливались.

Всю прибыль Цин Янь старательно откладывал. Как только сумма достигала круглой цифры, он отправлял ее в банк.

Тем временем приближалась осенняя жатва, и кузница Цю Хэняня начала работать на полную мощность. Каждый день они принимали заказы, и работы становилось все больше.

Они вдвоем так и продолжали понемногу зарабатывать серебро: будни проходили за скромными чаем и едой, но время от времени они баловали себя чем-то вкусным и питательным. Одежду и вещи покупали по мере необходимости, иногда позволяли себе что-то дорогое, но всегда разумно, в пределах возможностей.

Цин Янь аккуратно управлял финансами, постепенно накапливая сбережения. Деньги медленно, но верно росли.

С похолоданием днем еще можно было обойтись без обогрева, но ночью приходилось немного топить углем, чтобы согреть дом. Одной топки хватало на всю ночь: перед сном уголь покрывали слоем угольной пыли, и печь медленно тлела, создавая уютное тепло. Наконец-то стало хорошо спать.

Как только стемнело, в комнате под балдахином стало беспокойно.

Цин Янь мягко отстранил попытки прикосновений, укрывшись одеялом, и тихо сказал:

— Только недавно... не надо.

Цю Хэнянь, приподнявшись, спросил низким голосом:

— Что-то случилось?

Цин Янь, покраснев, приподнял одеяло и свою нижнюю одежду, показывая живот.

Цю Хэнянь наклонился, внимательно осмотрел, а затем произнес:

— Красное.

Цин Янь кивнул:

— Я слышал от других гергов в деревне, что если красное пятно появляется, даже если ничего не было, то это значит, что время подходящее, чтобы зачать ребенка... Сегодня днем, пока тебя не было, краснота тоже несколько раз появлялась.

Цю Хэнянь не заставлял его. Он наклонился и поцеловал его, снял шипастый браслет и лег, чтобы успокоиться.

Цин Янь почувствовал жалость к нему. Подумав немного, он зарылся головой под одеяло.

Одеяло высоко вздулось. Цю Хэнянь положил одну руку на лоб, чтобы прикрыть глаза, изо всех сил стараясь сдержать желание перевернуться и подмять лежащего на нем человека.

Прошло довольно много времени, но человек под одеялом все же справился. Когда все наконец закончилось, изнутри послышался удушливый кашель. Не успев прийти в себя, Цю Хэнянь поспешно сел и откинул одеяло.

Личико маленького красавца под одеялом покраснелось, глаза увлажнились, губы покраснели, и на них еще остались какие-то следы. Цю Хэнянь приложил ладонь к его подбородку и сказал:

- Выплюнь.

Цин Янь посмотрел на него жалобно, чуть не плача, поджал губы и невнятно сказал:

- Я все проглотил.

*Паровые треугольнички с сахаром □□□□

<http://bllate.org/book/13590/1205210>